

ОТНОШЕНИЯ «ГОСУДАРСТВО – НАРОД»: ИЗ ОПЫТА АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В БССР 1950–1960 ГОДОВ

Канд. ист. наук, доц. С. А. Елизаров

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

Идеалтипический образ отношений «государство – индивид» в советский период истории унаследовал существенные характеристики дореволюционной России в иных внешних формах, усилив или ослабив некоторые ее конститутивные характеристики. Сохраняется дефицит реципрокности: государственно-партийные институты не обеспечивали надежной защиты декларированных гражданских прав из-за явного или скрытого пренебрежения к ним, сохраняя традицию выполнения принятых перед обществом обязательств по собственному усмотрению. Соответственно значительно усиливается в массовом сознании государственно-патерналистская составляющая. Ликвидация социальных групп, имевших самостоятельный от государства источник существования, поставил все население страны в единое состояние всецелой зависимости от государственной поддержки. Это – важнейшая характеристика советской ментальности, в соответствии с которой основным критерием отношения населения к власти становится интенсивность и эффективность государственного патернализма.

Данное обстоятельство не только сохраняет, но и усиливает иждивенческие настроения населения, сводит к минимуму их самостоятельность и инициативу до уровня, при котором жесткая централизация общества сохраняет свою прочность. Протестные настроения населения в условиях отсутствия действенной системы демократического контроля за властными структурами неизбежно и в своем абсолютном большинстве принимали традиционную «жалобную» форму обращения к высшей власти для защиты своих интересов. С приходом к власти Н. С. Хрущева и провозглашенной демократизации советской системы эти протестные настроения принимают определенную форму самоорганизации как проявление последнего в советской истории всплеска искреннего энтузиазма довольно широких слоев населения, поверивших в светлые идеалы и позитивные изменения в стране и стремившихся утвердить свое право на участие в преобразованиях, вызванных идеей «развернутого строительства коммунизма».

С середины 1950-х гг. в БССР (как и в целом в СССР) начался длительный период реформ, охвативших многие стороны жизни советского общества, но при этом не затронувших основ самой системы административно-государственного социализма. Основная роль отводилась организационному фактору, в том числе мероприятиям по упрощению и удешевлению аппарата управления, переброске освобождавшихся при этом кадров для кадрового укрепления низового и среднего административно-управленческого звена. В связи с этим было проведено массовое укрупнение административно-территориальных единиц – в БССР за 1954–1962 гг. были ликвидированы 6 из 12 областей, количество районов сократилось со 175 до 77, сельсоветов – с 2520 до 1540.

С одной стороны, это позволило в определенной степени сократить административно-управленческий персонал и расходы на его содержание. С другой стороны, реформирование административно-территориального деления осуществлялось исключительно опытным путем, путем проб и ошибок, а проверка эффективности того или иного варианта проводилась временем. Осуществлявшиеся без учета мнения самого населения реорганизации (прежде всего на районном уровне) создавали для жителей множество проблем главным образом административного и хозяйственного характера. Многие новые районы оказались слишком крупными. Большая пересеченность местности, отсутствие дорог усложнило оперативное руководство колхозами и совхозами,

возникли значительные трудности и неудобства в обслуживании населения: для посещения своих райцентров нередко сельским жителям приходилось тратить не один день.

Реорганизация районной системы (прежде всего проведенная в декабре 1962 г., когда одновременно были ликвидированы 46 районов) вызвала поток жалоб от населения в различные партийные и советские инстанции. Обращались жители бывших райцентров, недовольных, что в их населенных пунктах, потерявших статус райцентров, прекращалось экономическое и социально-культурное развитие, ухудшалось обеспечение населения промышленными товарами, обращались сельские жители, для которых райцентры становились фактически недоступными. Такие письма доходили вплоть до ЦК КПСС, но традиционно возвращались для рассмотрения обратно в республику, и все оставалось по-прежнему. В некоторых случаях население проявляло достаточно высокую степень самоорганизации. Большой переполох среди белорусского руководства разного ранга вызвало анонимное письмо колхозников колхоза «Звезда» Буда-Кошелевского района Гомельской области, дошедшее до ЦК КПСС и по которому было принято специальное решение Секретариата ЦК КПСС 3 июля 1963 г. Письмо было адресовано лично Н. С. Хрущеву и содержало достаточно резкие оценки проведенной районной реорганизации (конкретно – упразднение Чечерского района). В письме отмечалось значительное ухудшение степени управляемости районом со стороны органов государственной власти и уровня обслуживания населения Чечерска и близлежащих населенных пунктов («...и сейчас начался массовый выезд, особенно молодежи, из сельской местности под любыми предлогами, но стараются уехать в город или еще куда-нибудь... Оставшаяся молодежь развлекается пьянством, т. к. милиции нет и бояться некого»). В колхоз «Звезда» была послана специальная бригада ЦК КПБ, члены которой провели соответствующую «разъяснительную работу». В ответе в ЦК КПСС все факты, изложенные в письме, характеризовались как «не соответствующие действительности», а упразднение Чечерского района и включение его в состав Буда-Кошелевского района было признано правильным.

После смещения Н. С. Хрущева в октябре 1964 г. и на волне критики «волютаризма и субъективизма» руководство БССР признало обоснованность многих обращений населения, которые ранее властью игнорировались. Указом Президиума Верховного Совета БССР от 6 января 1965 г. были воссозданы 23 ликвидированные в декабре 1962 г. района, в 1966 г. – еще 17. В целом восстановление многих поспешно ликвидированных в «хрущевский» период районов было необходимо и с точки зрения оптимизации территориальных пределов органов управления, и с точки зрения интересов населения. Правда, сам этот процесс носил характер «чрезвычайщины» и больше был рассчитан на укрепление доверия к новому руководству со стороны среднего партийно-советского звена управления. Для обоснования необходимости укрупнения ряда районов в качестве «фона» было использовано недовольство части населения, но только в тех случаях, когда это недовольство вписывалось в рамки номенклатурных интересов.

И после 1966 г. продолжали поступать ходатайства населения о восстановлении ряда районов. Однако дальнейшее разукрупнение районов с точки зрения интересов аппарата управления было нецелесообразным и эффективность учета протестных проявлений населения резко снижается. Сам этот аппарат снизу доверху превращался в единую корпоративную структуру, защищавшую свои интересы обща. Власть в лице партийно-советской номенклатуры продемонстрировала и решимость, и возможность принимать и проводить решения, руководствуясь главным образом интересами управленческой системы и формальными ссылками на «мнение населения».